
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

К.В. ФОКИН*

СЕРАЯ ЗОНА, ИЛИ ИЗМЕРЯЯ НЕИЗМЕРИМОЕ?

Рецензия на кн.:

Protean Power: Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics / Peter J. Katzenstein, L.A. Seybert (eds.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 2018. – 380 p.

Для цитирования: Фокин К.В. Серая зона, или Измеряя неизмеримое? (Рецензия) // Политическая наука. – 2019. – № 3. – С. 285–302. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.09>

Теория предполагает, что при наличии всей полноты данных можно безошибочно предсказать будущее. По выражению Стивена Пинкера, с точки зрения физики Первая мировая война – «не более, чем очень, очень большое количество кварков на очень, очень сложных траекториях движения» [Пинкер, 2018, с. 94], но для ее понимания мы все же используем иной уровень анализа. С переходом от естественных «точных наук» к наукам об обществе возрастает неопределенность. Рецензируемый сборник формально относится к литературе по международным отношениям, однако я убежден, что и по приводимым эмпирическим примерам, и по замыслу авторов его масштаб значительно больше, и обсуждаемые идеи предлагают ракурс для общественных наук в целом.

---

* **Фокин Кирилл Валерьевич**, аспирант Школы политических наук Национального исследовательского института «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: kainer-1@yandex.ru

Вводимый термин «Protean Power» сложно перевести на русский язык; «power» сама по себе имеет несколько аналогов в спектре от «власти» до «силы» [см.: Ледяев, Ледяева, 2016], причем разный вариант перевода будет автоматически отсылать к разному направлению дискуссий в политической теории и философии.

Авторы дают следующее определение: «... [это] эффект импровизационных и инновативных ответов на неопределенность, возникающий от креативности и гибкости акторов в ответе на неопределенность» (р. 4). Следовательно, прямой перевод «власть» здесь оказывается неточным: «власть» в концепции авторов скорее синонимична «контролю», «Control Power», однако и вариант «сила» оказывается неидеальным, так как ключевая характеристика «мира Протея» – неопределенность, неспособность зафиксировать параметры «силы», и речь идет про *восходящее* движение, про *потенциалы, анархическое состояние*. Это допускает метафору «природной стихии», и близкое здесь слово – «мощь»: как сила природы, «протеева мощь» появляется сама по себе, возникает «внизу», неподконтрольная и непредсказуемая, не имеющая центра, единой идеологии или парадигмы, и дальше вступает в противоборство с традиционной «контролирующей властью» и даже может ее опрокинуть.

Конструктивизм и постмодернизм ставят вопрос, почему «материалистическому» подходу, т.е. буквальной оценке того, что поддается измерению и наблюдению, не удастся предсказать значительные события мировой политики: окончание холодной войны и распад СССР, всемирную террористическую угрозу, финансовый кризис и так далее [Малинова, 2010, с. 90–92]. Для максимального упрощения подобные «непредсказуемые» или трудно прогнозируемые события можно назвать «черными лебедями» [Taleb, 2010] (очень спорная с научной точки зрения идея, и я ссылаюсь на нее только потому, что так делают авторы (р. 223)). В этом смысле «протеева мощь» наследует отчасти и «антихрупкости» [Taleb, 2012], и «мягкой силе» [Nye, 1990]. Но если «антихрупкость» это скорее про практику, а «мягкая сила» – про культуру и институты, то «протеева мощь» пытается объединить все «неизмеримые» и «ускользающие» переменные. Сама постановка проблемы и приводимые эмпирические исследования действительно обнаруживают глубокую и обширную «серую зону», в которой склонные к измерительным процедурам дисциплины внутри наук об обществе чув-

ствуют себя неуверенно. Однако на то есть причина – изучение неизучаемого и вычисление вероятностей невероятного – само по себе звучит алогично. Констатируя наличие непредсказуемых событий и признавая значение «протеевой мощи», власти и влияния идей, интеллекта, творчества и нематериальных факторов в целом, мы пока не располагаем достаточно эффективным и точным инструментарием для их анализа. Поэтому «изучение» подобных явлений сводится к описанию постфактум, которое тяжело или практически невозможно генерализовать. Амбиция сборника заключается в том, чтобы, во-первых, отделить «протееву мощь» от ее противоположности – «власти контроля», а во-вторых, дать классификацию некоторых их сочетаний.

Тот факт, что в заключение сборника предлагается таблица для возможных сочетаний / типов отношения между «контролем» и «протеем» (р. 275), не должен вводить в заблуждение: основная идея как раз в том, что «протеева мощь» противоположна контролю, так же как изменчивый протей противоположен жесткому и властному Левиафану (р. xi-xii). Концепцию определяют две ключевые дихотомии: 1) протей / контроль (= левиафан) и 2) неопределенность / риск. Наглядную иллюстрацию этих дихотомий можно дать на классическом для «реалистического» подхода и международной политики материале ядерных стратегий: на первом этапе планирования ядерной войны в США, от Трумэна и во время президентства Эйзенхауэра, доминировала точка зрения, что приоритетом должен быть «обезглавливающий удар», т.е. уничтожение политического и военного руководства противника: предполагалось, что в случае гибели руководства либо сам приказ на ответное применение ядерного оружия так и не будет отдан, либо гибель руководства приведет к параличу командования и хаосу среди нижестоящих чинов и сломит их «моральный дух». Но консультант от RAND Дэниел Элсберг, готовивший в 1961 г. пересмотр плана для Пентагона и президента Кеннеди, настаивал на исключении Москвы из списка первоначальных целей [Элсберг, 2018, с. 170]. Во-первых, он утверждал, что вопреки распространенному мнению решение о применении ядерного оружия в случае чрезвычайной ситуации очень легко и быстро делегируется по цепочке командования вниз; во-вторых, он задавал вопрос: «как долго японская армия продолжала бы сражаться после августа 1945 г., если бы <...> атомная бомба была сброшена на Токио <...> убила

бы императора и <...> не дала ему объявить о капитуляции?» [Эллсберг, 2018, с. 494].

«Обезглавливающий удар» – типичный пример того, как конфликт из состояния борьбы между «силами контроля» может перейти в плоскость «Протея». Пока существует командование, условный Вашингтон и условная Москва, всегда остается возможность рациональной оценки ущерба, торга и перемирия даже после начала боевых действий и нанесения первых ядерных ударов, потому что центр может отдать приказ и остановить армию от продолжения конфликта, и армия повинуется. Но в случае если одна из сторон (или обе) потеряет систему управления и контроля, решение о нанесении ядерного удара, продолжении или прекращении боевых действий будет делегироваться все ниже и ниже, вплоть до уровня пилота бомбардировщика, несущего термоядерную бомбу под крылом. Переговоры вести будет не с кем: вместо условной Москвы против Вашингтона войну будут вести десятки, сотни, тысячи автономных единиц, каждая из которых может действовать по-разному в зависимости от внешних (информационных) и внутренних (психологических) условий. Парадигма войны в таком случае сместится от убеждения / устрашения левиафана-оппонента к гибкому и локальному противостоянию с множеством нескоординированных и ограниченных только собственным воображением «протеевых акторов». Кто-то из них, возможно, сдастся, кто-то – лишившись связи с командованием, – исполнит «план минимум», кто-то – «план максимум», кто-то вступит в конфликт с собственными подчиненными, а кто-то проявит креативность и составит собственную стратегию войны, партизанскую и террористическую, и точно предсказать это поведение в каждом конкретном случае невозможно. После состояния *риска*, где угрозы могут быть пересчитаны, наступит состояние *неопределенности*: в первом варианте у нас есть *известные неизвестные* переменные (мы не знаем, какое решение принято в Москве, но знаем, кто его принимает), во втором – *неизвестные неизвестные* (кто принимает решение, где он, как поступит, чего он хочет и т.д.) (р. 41). Случившийся через год Карибский кризис подтвердил правоту опасений Эллсберга в том, что делегирование права на применение ядерного оружия в критической ситуации размывает систему контроля и может привести к мгновенной эскалации вне ведома / желаний центра [Эллсберг, 2018, с. 272–301].

В сборнике подробно обсуждаются концептуальные основы «протеевой мощи» и предлагается набор эмпирических исследований, которые авторы приводят в качестве примеров и уточнения различных аспектов их концепции. В заключение авторы вписывают свою концепцию (в ее текущем варианте) в более широкую политическую теорию и, к сожалению, на этом останавливаются. Легитимизовав таким образом термин и верно указав на наличие проблемных зон, неясных и неизмеримых явлений, сборник тем не менее не дает нам главного – инструмента; выражаясь метафорически, «ключа» от этих серых зон и «запретных дверей».

Часть 1: Теория

Первая часть сборника посвящена теоретическому фреймированию термина и концепта «протеева мощь». Обе ее главы, первая о концептуальном анализе и вторая об отношении к теории международных отношений, написаны авторами-составителями. Они цитируют директора Национальной разведки США, который в 2016 г. заявил, что «непредсказуемая нестабильность» – это «новая нормальность» (р. 3), и сразу задают вопрос, *новая ли* это нормальность? Вспоминая и Макиавелли, и Фукидида, они обращаются к проблеме *силы* как *власти* и к дискуссии об измерениях власти. Власть как доминирование, «власть над» они обозначают *силой контроля*, а власть как возможность, восприятие, потенциал, который может и не быть реализован (определение Льюкса (р. 8)), – как «*мощь Протея*». К одной и той же ситуации могут быть применены обе силы: например, в шахматах существуют правила, и компьютер играет в них, рассчитывая ходы и возможные риски, в то время как люди-гроссмейстеры скорее полагаются на импровизацию и интуицию (р. 24). Это означает, что в случае фактической невозможности точных предсказаний наилучшая стратегия – признать, что предсказание невозможно, и жить в непредсказуемом мире. Поэтому смысл «протеевой мощи» – не конструировать будущее, а сделать так, чтобы достичь желаемых целей в любом варианте будущего. Ссылки на Фридриха Хайека, Элинор Остром и Адама Смита (р. 21–25) демонстрируют связь и преемственность от правого крыла экономической теории (даже повестки), согласно которой не только рынок, но и во многом само общество эффек-

тивнее конструируются снизу «невидимой рукой», нежели «контролем» (чаще всего – государственным) сверху и доктринально. Далее этот угол зрения получает развитие в главах о «протеевой мощи» на финансовом рынке (р. 166–187) и о рынке высоких технологий (124–144).

В международных отношениях власть – не собственность, а отношение; авторы в принципе ставят под сомнение возможность определить «власть» или «силу» государства материальными индикаторами, как то: ресурсная база или военная мощь, так как *сила всегда зависит от контекста* [Katzenstein; Seybert, p. 27]. В теории ядерного сдерживания Томаса Шеллинга отрицаются *инциденты*, которые могут привести к началу войны; к началу войны приводят *решения*, значит, *восприятие* – все «торговые модели войны» на самом деле оборачиваются взаимным блефом и попытками интерпретации. Эти попытки зачастую проваливаются по той причине, что мировосприятие у каждого свое (*ibid.*); логика сдерживания, например, предполагает «машину судного дня» только в том случае, если о ней известно сопернику, потому как иначе смысла в ее существовании нет. Таким образом, США исходили из предположения, что если им неизвестно о ее существовании у СССР, следовательно, ее нет – и тем не менее система «Периметр» (или «Мертвая рука») находилась в СССР на боевом дежурстве, но была засекречена (р. 44).

Вместо обычных моделей принятия решений, фокусирующихся на средствах и целях, авторы предлагают «модель перевода» (*translation model*): воспринимая какую-то информацию, акторы «переводят» ее на «свой язык», пропускают через собственный жизненный опыт и наделяют значением, которое может быть релевантно только для них самих (р. 32). Такое «человеческое измерение» позволяет не только объяснить, почему разные негосударственные акторы дают различные ответы на одни и те же условия среды, но и почему государства (где решения принимают также люди, с их собственными убеждениями, идентичностями, воображением, эмоциями и психологическим состоянием) ошибаются в коммуникации между собой, проваливаясь в «спирали войны» и «дилеммы безопасности» (р. 30).

Если учесть этот фактор, который можно назвать *воображением* (р. 47) (а воображение – неисчерпаемый ресурс), то мировая политика становится *открытой системой*. Неспособность при-

знать этот факт в политэкономии и попытка дедуктивно «наделить» акторов интересами, которые они «должны были бы» преследовать в теории рациональных ожиданий, привела к невозможности предсказать финансовый кризис 2008 г. (р. 47–50). Анализ с точки зрения парадигмы «контроля» всегда носит обратный характер и может объяснить «неожиданное событие» и высветить его предпосылки и причины, но лишь в тот момент, когда оно уже произошло. Парадигма «протеевой мощи» в этом отношении честнее – она отказывается от объяснительной возможности и оставляет пространство для «неопределяемого и непредсказуемого». При этом соотношение не бинарно и не жестко зависимо, *динамика* не противоречит власти, и «контроль» сам по себе не слабее / сильнее «протеевой мощи», все зависит от контекста. И сильные, и слабые акторы способны на обе парадигмы действия, и обе парадигмы работают и на макро-, и на микроуровнях.

Часть 2:

Протеева мощь: пользуясь неопределенностью

Третья и четвертая главы книги приводят в качестве примеров использования концепции «протеевой мощи» изучение «революции в правах» в широком смысле (р. 59–78) и борьбы за права ЛГБТ – в узком (р. 79–99). Децентрализованное общественное движение, требующее легитимности (т.е. оперирующее в плоскости восприятия), борющееся упорно и долго (вплоть до сотни лет), но всегда побеждающее внезапно (р. 59) – самоочевидный пример «протеева» движения и «сдвига». Здесь исследователи описывают один из вариантов интеракции «протее» и «контроля»: «протее» смещает «контроль» и устанавливает собственный порядок (р. 78). Изначально борьба за права идет в «протеевой» плоскости, однако после триумфа наступает черед институционализации достижений и отвоеванных прав (р. 83). С того момента, как движение за права ЛГБТ начали поддерживать, в том числе и законодательно, правительства Западной Европы, мир «протеевой мощи» перешел в мир «контроля».

Далее, однако, последовал новый парадокс: в ответ на директивные призывы Европейского союза законодательно оформить права ЛГБТ в России и Украине в России появились дискри-

минационные законы (что является ответом «контроля» на «контроль»), а в Украине, где правительство уже было готово пойти навстречу, протесты начались внутри самого общества. В Чехии, Эстонии, Словакии и Словении уровень неодобрения ЛГБТ после вступления в Европейский союз и попыток законодательного оформления их прав оказался *выше*, чем до вступления, когда эти вопросы вообще не поднимались в публичной политике (р. 85). Это ответ «протеевой мощи» на механизм «контроля». Более того, права ЛГБТ перестали быть отдельной темой, а прикрепились к общему пакету «западных ценностей» и «вестернизации», что позволило легко эксплуатировать эту тему националистам и правым движениям. Когда США пытались критиковать Россию за принятие дискриминационных законов, местные американские активисты обвинили собственное американское правительство в лицемерии (р. 95–96). Таким образом, став частью механизма «контроля», движение за права ЛГБТ перешло от стратегии гибкого реагирования к стратегии прямого давления, что усилило противодействие и противоречия и подставило его под удар с новой стороны. Успешная в «протеевом» мире сила легко проигрывает, пытаясь бороться методами «контроля».

Иной вариант интеракций предлагается в главе о «динамике принуждения и уклонения на границе США и Мексики» (р. 100–123). Объясняя, почему попытки жесткого пограничного контроля безуспешны (р. 101), авторы описывают границу, выражаясь метафорически, как обособленную экосистему, арену взаимодействия «контролирующих» пограничников, мафиозных структур, контрабандистов и самих мигрантов. Но рассматривают они их не как объекты (жертвы), а как самостоятельных акторов с собственными (различными) стратегиями и тактиками. Ужесточение режима заставляет «слабых» акторов (мигрантов и контрабандистов) выдумывать новые стратегии и тактики, но не отказываться от своих намерений: таким образом, оно приводит к увеличению человеческих страданий и изменению экосистемы, но не способно остановить попытки мигрантов пересечь границу.

Другим «царством» «протеевой мощи» оказывается сектор высоких технологий, одновременно и научный «фронт», и процесс выхода технологий на рынок (и появление новых рынков), и финансирующий это венчурный бизнес (р. 124–145). И в науке, и в венчурном бизнесе результат зависит не только от риска (верна ли

гипотеза? окажется ли продукт востребованным?), но и от неопределенности: когда и где будет совершено новое научное открытие, появится новый рынок – «голубой океан»¹, – неизвестно, это открытый вопрос, и переменные здесь – воображение и идеи. Может показаться контринтуитивным, но объем финансирования научного коллектива не гарантирует «открытие», ровно как и крупные корпорации – «левиафаны», имеющие свободные средства и даже прицельно инвестирующие в высокие технологии, все равно проигрывают стартапам («старые корпорации» олицетворяют собой силы «контроля», и поэтому молодые компании вынуждены искать прибыль через «протеевы», новые стратегии). В частности, через концепцию «протеевой мощи» авторы объясняют, почему попытки зарегулировать сферы новых технологий (биотехнологии и ИТ), скорее всего, будут неудачными: научный поиск инклюзивен к неопределенности, и в ответ на новые контролирующие меры будут появляться новые стратегии обхода (2018, р. 127) (как и в случае с границей Мексики и США). Криптовалюты, однако, трактуются также контринтуитивно – как средство трансляции «контроля» через «протеев», т.е. попытка обойти потенциальную нестабильность мировой финансовой системы за счет создания ее «горизонтальной» и «гарантированной» (окончательным числом биткоинов) альтернативы (р. 131–141).

Часть 3:

Смешанные миры – гибкость встречается с возможностью

В третьей части сборника изучаются смешанные формы «контроля» и «протеевой мощи» на примере рынка углеводов (р. 147–165), финансовой системы (р. 166–187), международного терроризма (р. 188–208) и мировых киноиндустрий (р. 209–226).

И рынок углеводов, и финансовые рынки мира подвержены влиянию политической конъюнктуры и сами могут быть использованы как инструменты сил «контроля». При этом рынок углеводов измеряется в терминах риска (набор вариантов развития событий ограничен: цены идут либо вверх, либо вниз; транзит либо осуществляется, либо нет), но в силу геополитичес-

---

¹ См.: Ким, Моборн, 2017.

кой значимости и большого количества игроков разного масштаба и формы (кто добывает, кто доставляет и через кого) является менее определенным и более «протеевым»; напротив, финансовые рынки волатильны, велика вероятность появления новых средств, игроков и инструментов (система открытая и ориентированная на рост), но при этом контролировать их легче. Таким образом, на шкалах протей / контроль и риск / неопределенность эти два сектора занимают зеркальные позиции (р. 55).

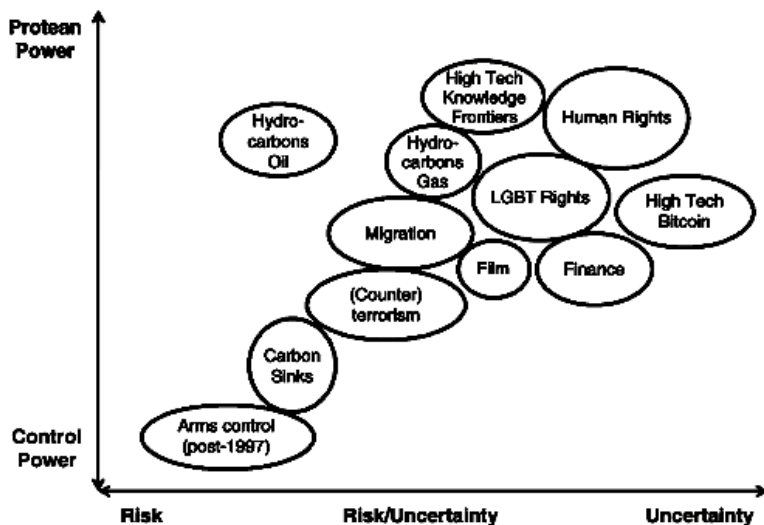

Figure 2.2 Examples of Control and Protean Power in a Risky and Uncertain World

Рисунок

Киноиндустрия находится ближе к финансовому рынку: создание фильмов зиждется на идеях и воображении («Протей»), однако для превращения их в бизнес требуются высокие мощности («контроль»). Инвестиции в кино носят высокорисковый характер, индустрия нестабильна, и успех практически невозможно предсказать (р. 211). Безусловные «хиты» появляются редко, и на каждый «хит» приходится значительное количество «провальных» картин; позволить себе подобную динамику могут только крупные компании, эксплуатирующие рынки по всему миру: главный пример по-

казывает американская индустрия кино, условный Голливуд. Это «контроль», но играющий на «протеевом» поле, инвестирующий в том числе и в авторское кино, «фабрика» по поиску новых талантов, новых звезд и новых творческих возможностей. В условиях всемирного доминирования Голливуда локальным киноиндустриям становится невозможно конкурировать с ним на пространстве универсальных / глобальных сюжетов, поэтому они выбирают для себя стратегию нишевых, региональных и национальных сюжетов, образов релевантных исключительно для локальной аудитории, которые она не может найти во «всеядных» картинах Голливуда (р. 209).

Глава, посвященная терроризму, полемизирует с «традиционной» трактовкой терроризма как «стратегии принуждения, которую используют вооруженные негосударственные акторы в условиях асимметрии возможностей» (р. 188); это определение в логике «контроля», в то время как современный международный терроризм как раз пользуется тем, что не является орудием определенных акторов, а используется децентрализованными группировками, «джихадом без лидера» (р. 201). Апеллируя к религиозным смыслам, которые сами по себе разрушительны в отношении стратегического целеполагания (для «мученика» и победа, и поражение в «земном мире» означают одно – победу в «загробном»), международный терроризм черпает силу из неопределенности и паранойи, которые оборачиваются против «врагов»-государств: например, стратегия по захвату заложников и требованию выкупа (и отказ, и согласие являются плохими реакциями) (р. 193) и дискриминационные меры (применяемые в отношении некоторой группы населения страны, априори подозреваемой в симпатиях к террористам, они становятся «самосбывающимся пророчеством» и *действительно* подталкивают эту группу симпатизировать террористам, усиливая гражданский конфликт) (р. 207). Однако сила оборачивается слабостью в тот момент, когда международный терроризм вроде бы достигает цели, получая территории и институциональную структуру, как это произошло с «Исламским государством»¹. С «материальным измерением силы» пришла уязвимость для «материального ответа контроля»: бомбардировок и ракетных атак, вооруженной наземной операции и (sic!) ответных

---

¹ Организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

«протеевых стратегий», когда «подозрительность» и «паранойю» стали использовать против самих террористов, вербуя в их структурах шпионов и информаторов (р. 207)¹. Однако прямолинейный разгром террористической силы в виде (псевдо)государственного образования приведет к тому, что террористы вернуться в «протеев мир», и цикл может повториться (р. 208). Продолжая логику статьи, можно предположить, что оптимальным планом противодействия «Исламскому государству» может стать не ставка на его физическое уничтожение, но остановка его экспансии, максимальное ограничение и превращение в территориальный анклав, и даже создание коридора доступа для радикалов со всего мира: оно станет «аттрактором» для террористов, и они будут думать не о том, как собрать бомбу «у себя в гараже» и взорвать в своем городе, а как попасть в этот анклав – и далее погибнуть в бою с профессиональными военными.

Часть 4:

Протеева мощь между риском и неопределенностью

Последняя часть состоит из обсуждения применения «протеевых» стратегий внутри двух кейсов, традиционно наиболее близких измерению риска / контроля: это контроль над вооружениями (р. 229–245) и экополитика в отношении естественных поглотителей углерода (р. 246–264). Оба кейса демонстрируют относительную слабость негосударственных организаций в измерении «контроля» и указывают на необходимость искать обходные пути «встраивания» их стратегий в рамки, которые изначально поддерживаются государствами / государственными структурами. В случае с урегулированием проблемы дефорестации негосударственные экологические организации сперва потерпели поражение в попытке встроить свои предложения в межгосударственный Киотский протокол (р. 250–254), но были вынуждены изменить свою стратегию и сфокусироваться не на государствах, а на частных ин-

---

¹ Эдвард Люттвак пишет, что единственной реальной гарантией того, что офицер, которого вы пытаетесь завербовать, не доложит начальству о предложении, может служить только подозрение, что вышестоящий офицер уже вами завербован [Люттвак, 2012 а, р. 75].

ститутах, и создать «добровольный рынок», внутри него выработать рецепт наиболее эффективных мер и только после этого вернуться к практике переговоров с государствами, что вылилось в принятие рамочных соглашений на площадке ООН (REDD+).

Исследование политики контроля над вооружениями предлагает другой вариант условной «победы» сил «контроля» над «протеевыми акторами». Ситуация холодной войны отличалась высоким риском (глобальной войны), но низкой неопределенностью (главная угроза исходила от конфликта СССР и США); в современном мире риск снизился, но значительно возросла неопределенность (увеличилось количество акторов, стран, обладающих оружием массового уничтожения, и, как следствие, потенциальных конфликтов) (р. 230–233). Переговоры по контролю над вооружениями во время холодной войны представляли собой по большей части выработку соглашений между двумя сверхдержавами. В современном мире, после «радикальной нестабильности» 1990-х и «неясности» 2000-х, в контроле над вооружениями появилось место и малым государствам, и негосударственным организациям. Однако крупные государства, считающие, что ограничение как конвенциональных, так и новых видов вооружения¹ противоречит их интересам, хотя уже и не способны просто исключить подобные предложения из повестки дня, успешно используют силу «контроля» для того, чтобы выхолостить договоры или лишить их принципиального смысла своим неприсоединением (р. 234).

Заключение:

Сложные формы власти и политическая теория

В закрывающей сборник главе (р. 267–301) авторы-составители дают обзор вышеприведенных кейсов и обобщают концептуальные рамки проведенных эмпирических исследований, останавливаясь на различных комбинациях сочетания контроля / протее (р. 275, 279), видах неопределенности, социальном и ин-

---

¹ В качестве примеров приводятся роботы-убийцы и киберпространство [Protean Power... 2018, р. 230–233], но также важным представляется упомянуть биотехнологии военного образца.

ституциональном контексте и возможности взаимного обращения «левиафана» в «протея» и обратно. После авторы обращаются к истории политической теории и философии. Они концептуализируют ее как сложную и разветвленную систему взглядов на сущность силы / власти и описывают элементы концепта «протеевой мощи» у некоторых крупнейших философов и мыслителей Античности (Фукидид, Аристотель), Просвещения (Макиавелли, Гоббс), Нового времени (Клаузевиц) и XX в. (Фуко, Делёз, Гваттари, Агамбен, Арндт). Краткое и отчасти лирическое отступление в современную политическую жизнь США и их позиционирование в глобальном мире завершает книгу.

Обстоятельная теоретизация понятия «протеева мощь» выглядит убедительно, однако ответ на ключевой вопрос, который ставят сами авторы, «для чего нужен еще один неологизм, обозначающий силу / власть?» (р. 282), – оставляет неоднозначное впечатление. Утверждается, что концепция «протеевой мощи» – это не еще один аргумент в дискуссиях о природе власти (и ее измерениях / «лицах»), а зонтичная концепция, указывающая на «актуальность невидимого потенциала» и, следуя логике кейсов, инструмент для практического анализа.

Проблема заключается в том, что как объяснительная модель концепция «протеевой мощи» работает только ретроспективно: да, она предоставляет определенную методологию для анализа событий, которые труднообъяснимы в материальном измерении / теории рационального выбора и поведения, но и конструктивистская, и постмодернистская парадигмы в науках об обществе уже продвинулись в этом направлении, и мысли о политике как «открытой системе» и факторе воображения не звучат оригинально. Что более существенно с точки зрения критики, так это тот факт, что так как сама концепция относится к «силам», оперирующим в мире «неизмеримого» и «непредсказуемого», остается неясным, как измерить эффективность и применимость ее как инструмента анализа. Концепт «протеевой мощи» потенциально может быть приложен к *любой* ситуации конфликта политических сил, и в зависимости от точки зрения исследователя там могут быть найдены различные соотношения контроля / протeya. Спор же о том, кто в случае конфликта между двумя гипотетическими исследователями оказывается прав, будет носить чисто умозрительный и теоретический характер, где аргументами могут служить ссылки на теоретизацию

Питера Катценштайна и Люсии Сиберт, потому как иных средств оценки пока не существует.

Концепция «протеевой мощи» действительно обладает значительным объяснительным потенциалом и, возможно, внесет вклад в политическую теорию. Парадокс Эллсберга (или «эффект неоднозначности») показывает, что люди эвристически стараются избегать неопределенности и предпочитают ей «закрытый» риск [Ellsberg, 1961], и даже исследователям тяжело избежать искажений и признать, что мы существуем в непредсказуемом мире «радикальной неопределенности» и не можем предсказать будущее, и даже оперировать в большинстве своем приходится открытыми, а не закрытыми системами вероятностей. Вклад теории «протеевой мощи» в «освобождение» от этого искажения может оказаться значительным: для некоторых событий, вероятно, не стоит искать глубоких материально-экономических закономерностей и законов, они происходят «сами собой», движимые стечением обстоятельств и человеческой фантазией.

Но при этом существует опасность, что «протеева мощь» окажется зонтичным понятием не только для этих «случайностей», но и для всех событий, когда общественные науки сдаются перед действительностью. Ложный вывод, который можно сделать из неверного прочтения сборника, – что любое неожиданное событие можно обозначить как результат действия «протеевых сил». А это значит капитулировать перед ним и отказаться от поиска дальнейших «измеримых», «вероятных» и «предсказуемых» объяснений.

Для того чтобы этого не допустить, в дальнейшем развитии теории «протеевой мощи» (как и всей дихотомии контроль / Протей) следует отступить на шаг назад и осмыслить, каким образом можно «измерить неизмеримое», пусть ретроспективно и объяснительно, но все же отделить «контроль» от «протей» некоторыми объективными категориями, а не возвратом к определениям, предложенным Катценштайном и Сиберт. На данном этапе, к сожалению, именно эта лакуна превращает теоретическую концепцию в слепую объяснительную модель, напоминающую и вышеупомянутую «антихрупкость» Талеба, и теоретизацию «парадоксов стратегии» по Эдварду Люттваку [Люттвак, 2012 b], – представляющих определенный интеллектуальный интерес, но потенциально способных «объяснить все и сразу», нестрогих и потому ненаучных. Несколько раз встречающиеся в сборнике ссылки на квантовую

механику (р. 10) и даже концепцию мультивселенной (р. 295), хотя и служат тексту украшением, к сожалению, только усугубляют впечатление терминологической неточности и способствуют неверному пониманию его основных идей¹.

Вторым направлением, которое можно обозначить для будущих исследователей «протеевой мощи», может стать конвергенция этой концепции с концепциями горизонтальных структур, сетей и сообществ. Очевидный пример – взаимодействие сил контроля / протeya в медиапространстве, в социальных сетях и в информационной среде в целом. Это не только прямолинейные дихотомии попыток зарегулировать Интернет / попыток пользователей избежать цензуры и скрыться в «глубокой Сети», но и более сложные взаимодействия между агрегаторами больших данных, прогностическими алгоритмами, особенностями распространения информации, новостей и «мемов», их влиянием на политические / общественные процессы, цифровая экономика и так далее. Однако данная тема, равно как и дальнейшая разработка концепции «протеевой мощи», еще в будущем – на данный момент перед нами захватывающий, многообещающий, но во многом еще сырой первый чертеж для будущей теории.

Список литературы

- Пинкер С.* Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2019. – 608 с.
- Ким Ч., Моборн Р.* Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 336 с.
- Ледяев В.Г., Ледяева О.М.* Концептуальный анализ власти и «Лингвистические аргументы» // PolitBook. – Чебоксары, 2016. – № 2. – С. 26–39. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-analiz-vlasti-i-lingvisticheskie-argumenty> (Дата посещения: 15.05.2019.)
- Люттвак Э.* Государственный переворот: Практическое пособие. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке: Университет Дмитрия Пожарского, 2012 а. – 320 с.
- Люттвак Э.* Стратегия. Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке: Университет Дмитрия Пожарского. 2012 б.–392 с.

---

¹ Которые, разумеется, ни в коем случае не сводятся к тому, что объективной реальности не существует, реальности сосуществуют в глазах наблюдателя, а каждый раз совершая выбор, мы выбираем между «равноправными реальностями».

- Малинова О.Ю. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. Политические исследования. – М., 2010. – № 3. – С. 90–99.
- Элльсберг Д. Машина Судного дня. – М.: Альпина Паблишер, 2018. – 542 с.
- Ellsberg D. Risk, ambiguity, and the Savage axioms // *Quarterly Journal of Economics*. – Oxford, 1961. – Vol. 75, N 4. – P. 643–669.
- Nye J. *Soft Power* // *Foreign Policy*. – N.Y., 1990. – N 80. – P. 153–171.
- Taleb N. *Antifragile: Things That Gain From Disorder*. – N.Y.: Random House, 2012. – 519 p.
- Taleb N. *The Black Swan*. – N.Y.: Random House, 2010. – 480 p.

C.V. Fokin *

The Grey Zone, or Measuring the Unmeasurable?

**Book review: *Exploring the Uncertain and Unexpected in World Politics*.
Ed. by P.J. Katzenstein, A. Seybert. N.Y.: Cambridge univ. press, 2018,
380 p.**

For citation: Fokin C.V. The Grey Zone, or Measuring the Unmeasurable? (Review).
Political science (RU). 2019, N 3, P. 285–302. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.09>

References

- Ellsberg D. Risk, ambiguity, and the Savage axioms. *Quarterly Journal of Economics*. 1961, Vol. 75, N 4, P. 643–669.
- Ellsberg D. *The Doomsday Machine: Confessions of a Nuclear War Planner*. Moscow: Alpina Publisher, 2018, 542 p. (In Russ.)
- Kim W. Ch., Mauborgne R. *Blue Ocean Shift: Beyond Competing*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017, 336 p. (In Russ.)
- Ledyayev V., Ledyayeva O. Conceptual analysis of power and «linguistic arguments». *PolitBook*. 2016, N 2, P. 26–39. (In Russ.) Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-analiz-vlasti-i-lingvisticheskie-argumenty> (accessed: 15.05.2019.)
- Luttwak E.N. *Strategy: The Logic of War and Peace*. – Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, Dmitry Pozharsky univ., 2012 b. 392 p. (In Russ.)
- Luttwak E.N. *The coup d'etat. A Practical handbook*. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, Dmitry Pozharsky univ., 2012, 320 p. (In Russ.)

---

* **Fokin Cyril**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: kainer-1@yandex.ru

- Malinova O. Yu. Ideas as independent variables in official research: in search of an adequate methodology. *Polis. Political Studies*. 2010, N 3, P. 90–99. (In Russ.)
- Nye J. Soft Power. *Foreign Policy*. 1990, N 80, P. 153–171.
- Pinker S. *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature*. Moscow: Alpina non-fiction, 2019, 608 p. (In Russ.)
- Taleb N. *Antifragile: Things That Gain From Disorder*. N.Y.: Random House, 2012, 519 p.
- Taleb N. *The Black Swan*. N.Y.: Random House, 2010, 480 p.